

M. A. Живлов

Институт восточных культур и античности РГГУ (Москва)

*К вопросу о критериях оценки этимологических работ
(ответ А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской)*

Пространный ответ на нашу рецензию из предыдущего номера «Вопросов языкового родства» ([Живлов 2011]) подписан, как и рассматриваемая книга, двумя фамилиями — А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской. Между тем, если порядок имен на титуле рецензируемой книги [Норманская, Дыбо 2010] соответствовал реальному вкладу авторов в текст монографии, то ответ на нашу рецензию идет за авторством «А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская». На сей раз фамилии помещены в порядке алфавита и научного ранга — сначала член-корреспондент РАН на букву «д», потом — доктор наук на букву «н». Вообще вопросу положения в науке авторов книги — прежде всего Ю. В. Норманской — в ответе уделено излишне большое внимание: неоднократно подчеркивается внушительное количество публикаций, выпущенных ранее Норманской, бегло пересказывается их содержание и т. п. Нам представляется, что, как и в книге, большая часть ответа (если не весь он целиком) принадлежит Ю. В. Норманской. Тем не менее, опубликованный выше текст подписан двумя авторами, что заставляет нас отнести все приведенные ниже возражения к А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской (далее: Д&Н) в равной степени.

Заголовок ответа — «К методике сравнения этимологических работ» — приглашает к серьезной дискуссии, выходящей за рамки оценки собственно «Тезауруса» как этимологической и вообще научной работы. Мы стараемся оппонировать содержательным замечаниям авторов «Тезауруса» и одновременно высказать нашу точку зрения на методику оценки этимологических работ вообще, показав, какое, по нашему мнению, место занимает среди них «Тезаурус».

Д&Н утверждают:

Работа над книгой велась в соответствии с общими принципами Московской школы компаративистики <...> Это прежде всего следование принципам строгости фонетических соответствий, выработанным классической компаративистикой; четкое понимание необходимости «постепенной реконструкции» и связанное с ним понимание того, что реконструкция более содержательна и более информативна, чем отдельный языковой факт <...> К сожалению, в рецензии об этом не сказано ни слова.

В самом деле, в рецензии ничего не сказано о том, что «Тезаурус» следует принципам поэтапной реконструкции, потому что есть все основания утверждать, что он им не следует. Единственный «промежуточный» уровень реконструкции, для которого в «Тезаурусе» последовательно приводятся праформы — прасаамийский. Праасаамские формы даются только для слов, имеющихся в словаре [Lehtiranta 1989], и то не всегда. Прапермские и праобско-угорские формы восстанавливаются, как правило, только если невозможно восстановить праформы более «высокого» уровня из-за отсутствия этимонов в других подгруппах уральских языков. Игнорирование «промежуточных» уровней реконструкции резко отличает «Тезаурус» от таких работ представителей Московской школы компаративистики, как [NCED] и [EDAL]. Еще одно отличие от этих работ — отсутствие эксплицитно сформулированной системы фонетических соответствий, на которых основана реконструкция — сводит на нет требование «строгости фонетических соответствий»: если о самих соответствиях читателю приходится лишь догадываться, то как можно оценить их «строгость»?

1.1. Д&Н пишут:

Ни Л. Хонти, ни М.А. Живлов не указывают, в каких случаях ПМанс. *ii [Honti 1982] / *ii [Живлов 2006] переходит в северноманский *o*.

Наши оппоненты, возможно, вследствие невнимательности, вводят читателей в заблуждение. В работе [Живлов 2006] на стр. 9 указано, что ПМанс. *ii в северноманском переходит в *a*, за исключением позиции после *k*, в которой *ii переходит в *o*, и позиции между лабиальным и велярным, в которой *ii дает *u* или *o*. Для того, чтобы проверить, работают ли приведенные выше правила, рассмотрим все северноманские слова, для которых в работе [Honti 1982] однозначно восстанавливается ПМанс. *ii. Ниже мансиеские данные приводятся в следующем порядке: ПМанс. — прамансиеская реконструкция по [Honti 1982], Munk. — северномансиеская форма в записи Мункачи 1888 года (по [Munkácsi & Kálman 1986]), Kann. — северномансиеская (сосьвин-

ская) форма в записи Каннисто 1905 года (по [Honti 1982]), Kálm. — современная северномансиjsкая форма в записи Кальмана (по [Munkácsi & Kálmán 1986]). Значения приводятся по [Munkácsi & Kálmán 1986]. Поясним, что в записи Мункачи *a* и *ä* передают северномансиjsкую фонему /a/.

Регулярные примеры:

- 1) ПМанс. *sūŋk > Munk. sänkw ~ śaŋkw ~ sakw, Kann. sanjk, ‘Hügel, Rundung’ [Honti 1982: №81, Munkácsi & Kálmán 1986: 528];
- 2) ПМанс. *tūkəs > Munk. takwəs, Kann. takəs, Kálm. takwəs ‘Herbst’ [Honti 1982: №133, Munkácsi & Kálmán 1986: 619];
- 3) ПМанс. *kūš- > Munk. kwossi, Kann. kos-, Kálm. kosi ‘glühen, brennen; schmerzen’ [Honti 1982: №219, Munkácsi & Kálmán 1986: 241];
- 4) ПМанс. *kūšəm > Munk. kwossəm ~ kwosm, Kann. kosəm, Kálm. kossəm ‘Korb, Schachtel, Faß, Bütte (aus Birkenrinde, für Speisen)’ [Honti 1982: №223, Munkácsi & Kálmán 1986: 241];
- 5) ПМанс. *kūjəp > Munk. kwojp ~ kojp, Kann. kojp, Kálm. kojp ‘Zaubertrumme des Schamanen’ [Honti 1982: №234, Munkácsi & Kálmán 1986: 233];
- 6) ПМанс. *kūn > Munk. kwon, Kann. kon, Kálm. kon ‘heraus; hinaus, draußen, außerhalb (adv.); hinaus-, heraus-, aus-, ab-, weg-, zer-, ver-(präfix.)’ [Honti 1982: №275, Munkácsi & Kálmán 1986: 237];
- 7) ПМанс. *kūnyal > Munk. kwonl-åul, Kann. konlɔwl, Kálm. konlōwl ‘Ellenbogen’ [Honti 1982: №281, Munkácsi & Kálmán 1986: 239];
- 8) ПМанс. *kūnš > Munk. kwons (kwoss), Kann. kos, Kálm. kos ‘Nagel; Klaue; eine Handvoll’ [Honti 1982: №287, Munkácsi & Kálmán 1986: 239];
- 9) ПМанс. *kūt > Munk. kwot, Kann. kot, Kálm. kot ‘Fell von Rentierbeinen’ [Honti 1982: №303, Munkácsi & Kálmán 1986: 242];
- 10) ПМанс. *kūtal’ > Munk. kwotél ~ kwófl, Kann. koťl, Kálm. koťl ‘Mitte; mittel’ [Honti 1982: №337, Munkácsi & Kálmán 1986: 243];
- 11) ПМанс. *lūk- > Munk. lakwi, Kann. lakə-, Kálm. lakwi ‘ankommen, schreiten, schleichen, sich bewegen, aufladen, springen, dringen, sich schleichen, sich hinarbeiten, sich verstecken, gelangen, klettern, tragen, verschoben werden, fortgehen’ [Honti 1982: №353, Munkácsi & Kálmán 1986: 247];
- 12) ПМанс. *lūk > Munk. lākw ~ lākw, Kann. lāk, Kálm. lākw ‘dicht’ [Honti 1982: №373, Munkácsi & Kálmán 1986: 280];
- 13) ПМанс. *pūkñi > Munk. pukní ~ puxní ~ pikní, Kann. pukní, Kálm. pukní ‘Nabel’ [Honti 1982: №496, Munkácsi & Kálmán 1986: 472];
- 14) ПМанс. *pūkī > Munk. puki, Kann. puki, Kálm. puki ‘Wanst, Bauch; Wölbung’ [Honti 1982: №500, Munkácsi & Kálmán 1986: 472];
- 15) ПМанс. *rūyt- > Munk. rauti ~ rawti (~ rāwti), Kann. rawt-, Kálm. rawti ‘drehen, umwenden, umwälzen; umröhren, mischen, kneten; graben, auswerfen; gießen; streuen, säen (Korn); quatschen, schwätzen’ [Honti 1982: №558, Munkácsi & Kálmán 1986: 496];
- 16) ПМанс. *sūlý- > Munk. salýi, Kann. salýi, Kálm. salýi ‘spucken’ [Honti 1982: №564, Munkácsi & Kálmán 1986: 520];
- 17) ПМанс. *tūŋk > Munk. taŋkw ~ tāŋkw, Kann. taŋkə ‘trockene Alge, trockenes Gras zum Feuermachen’ [Honti 1982: №641, Munkácsi & Kálmán 1986: 626].

Иключение: ПМанс. *kūrəy- > Munk. kuryi ~ kūryi ~ kurjíi, Kann. kury-, Kálm. kuryi ‘brüllen, grunzen, knurren, brummen’ [Honti 1982: №322, Munkácsi & Kálmán 1986: 224].

Из приведенного материала можно сделать следующие выводы:

- 1) утверждение Д&Н, что существует ряд исконных северномансиjsких слов с *ko-* в анлауте, но на настоящем этапе развития мансиjsкой реконструкции вокализма нет правил, которые бы описывали условия появления *o* в первом слоге этих слов, ошибочно.
- 2) Из 18 рассмотренных примеров только два (ПМанс. *tūŋk > Munk. taŋkw ~ tāŋkw и ПМанс. *kūrəy- > Munk. kuryi ~ kūryi ~ kurjíi) демонстрируют в записи Мункачи варьирование между долготным и краткостным рефлексом, и ни один пример не демонстрирует стабильного долготного рефлекса. Этот факт опровергает утверждение наших оппонентов о нерелевантности северномансиjsкой долготы в записи Мункачи для прамансиjsкой реконструкции.
- 3) Слова, начинавшиеся в прамансиjsком на *kū-, как правило, начинаются на *kwo-* в записи Мункачи и на *ko-* в более поздних записях Каннисто и Кальмана.

В свете сказанного выше реконструкция ПМанс. *kūt для сохранившегося только в записи Мункачи северномансиjsкого kōt ‘lazac, семга / Lachs’ не выглядит правдоподобной.

1.2. На наше утверждение, что считать хантыйское название ястреба исконным мешают нерегулярные соответствия между хантыйскими диалектами/языками (V Vj. Trj. J DN *s* – KoP Ni. Kaz. Sy. š, V Vj. Trj. J DN KoP ā – Ni. Kaz. Sy. ō – O a), Д&Н возражают, что в исконной хантыйской лексике «есть ряд примеров аналогичных соотношений». Приводимые Д&Н примеры действительно содержат «аналогичные», но не тождественные соответствия: V Vj. ā – Trj. J ā – DN KoP *o* – Ni. Kaz. Sy. ō – O a в первом примере [DEWOS: 143] и Vj. Trj. ā – KoP *o* – Ni. ō – Kaz. ō во втором [DEWOS: 532]. Тем не менее, мы готовы согласиться, что сами по себе соответствия гласных не могут быть здесь решающим аргументом. Таковым аргументом, однако, являются, на наш взгляд, соответствия согласных, по отношению к которым утверждение Д&Н, что «[к]оличество примеров такого соотношения рефлексов по диалектам легко увеличить» ошибочно. В самом деле, не считая двух приведенных Д&Н примеров, в работе [Honti 1982] имеется 66 хантыйских реконструкций с прахантыйской фонемой *č. Во всех этих словах рефлексы *č регулярны¹: V Vj. Trj. J č – DN KoP č/š – Ni. Kaz. Sy. š – O s.

Как же объясняются приведенные Д&Н исключения? Глагол ‘schreiten’ Хонти восстанавливает как ПХант. *sč- [Honti 1982: 181]. В этой реконструкции имплицитно содержится предположение об ассимиляции *s_č > *č_č в западнохантыйском. Такая ассимиляция вполне может быть регулярной, т. к. других общехантыйских этимологий с консонантной структурой *s_č нет. Что до второго исключения, то оно кажущееся, т. к. форма DN jěs- ‘ritzen’ у Хонти [Honti 1982: 140] представляет собой опечатку вместо jěš-. В этом легко убедиться, обратившись к использованному Хонти первоисточнику – словарю К. Ф. Карьялайнена. Интересующий нас глагол выглядит там как *jěštä* (DN) ‘piirtää, vetää piirto | ritzen, einen strich ziehen; jěpžem (pret.) [KT: 194].

В то же время нерегулярное соответствие согласных, почти идентичное соответству в названии ястреба, имеется в таком бесспорном заимствовании из коми, как V VK Likr. Mj. Trj. *tus*, J *tuš*, Irt (DN Fil. KoP Kr. Sog. Ts.) *tūš*, Ni. Š Kaz. Sy. *tūš*, O *tus* ‘борода, Bart’ [DEWOS: 1483–1484] (< коми *toš* ‘борода’).

1.3. Невозможно не заметить, что все приведенные здесь Д&Н примеры, кроме ФУ *molV (*mulV),

содержат в праформе палатальный согласный *č или *ň, позволяющий считать нерегулярный l в коми результатом ассимиляции. По странной случайности, приведенная со ссылкой на [UEW] праформа *molV (*mulV) взята не из [UEW], где вместо нее мы видим реконструкцию *molz (*molb) [UEW: 279]. Видимо, эта форма реконструирована самими Д&Н, причем основания для реконструкции *l при регулярных рефлексах палатального во всех дочерних языках остаются неясными.

1.4. Чтобы читатели могли оценить степень регулярности сохранения инлаутного *-w- в саамском, приведем несколько цифр. Всего в [UEW] имеется 44 этимологии, содержащие в праформе инлаутное *-w- и имеющие рефлекс в саамском. В 39 из них рефлекс *-w- сохраняется во всех дочерних формах. В одном случае (ПУ *kälz-wz ‘Schwägerin’ [UEW: 135–136] > ПСаам. *kälñj(-ennē) [Lehtiranta 1989: 44–45]) мы имеем дело с закономерным переходом *Vw > ПСаам. *ñ в непервом слоге. Еще в одном примере (ФУ *luwe ‘Ost(en); ?Süd(en)’ > северносаам. *lulle* -l- ‘south(-), southern’, *luk'sâ* ‘towards the south, southward’ [UEW: 255]) *uw переходит в *uii, регулярно дающее ПСаам. *i (см. [Aikio 2000: 614], где разбирается еще одна этимология с таким развитием, незаслуженно отвергнутая в [UEW]). В оставшихся трех случаях имеются формы с регулярными рефлексами *-w-, но наряду с ними в [UEW] приводятся этимологические дублеты, в которых *-w- выпало. Рассмотрим эти примеры.

- 1) ПУ *kewe ‘Weibchen eines Tieres’ – наряду с регулярными рефлексами (кильдинск. *kievv^(a)* ‘wilde Rentierkuh’ etc.) приводится S *kiäka* ‘rangifer foemina’ из словаря XVIII века, не сохранившееся в современном языке [UEW: 152].
- 2) ПУ *päwe ‘warm; warm sein’ > северносаам. *bivvâ* -v- ‘keep warm (not feel the cold)’ с регулярным сохранением рефлекса *-w- и северносаам. *bik'te* -vt- ‘warm (clothes)’ с выпадением этого рефлекса [UEW: 366–367].
- 3) ПУ *šuwe ‘Mund, Maul’ > Wfs. *t šiūwε* ‘Rachen, Speiseröhre’ [UEW 492–493] и ПСаам. *contek ‘горло’ [Lehtiranta 1989: 26–27]. Последняя форма, возможно, должна быть выделена в отдельную этимологию с манс. K *sunt*, LU *sât* (*sânt*), LM *sut* (*sunt*), N *sunt* ‘Mündung (eines Flusses); Öffnung (eines Gefäßes)’ и вообще не сравниваться с *šuwe.

Очевидно, что двух оставшихся примеров (которые также могут оказаться ошибочными сравне-

¹ В одном случае *č дает позиционно обусловленный рефлекс Ni. Kaz. O t перед l [Honti 1982: 177].

ниями) недостаточно для того, чтобы подвергать сомнению регулярность сохранения инлаутного **-w-* в саамском. Неудивительно, что о возможности выпадения **-w-* ничего не говорится ни в [Collinder 1960], ни в [Sammallahti 1998].

2.1. Д&Н пишут:

ПУ **kora-* – это реконструкция [UEW], она предложена нами.

Тем не менее в «Тезаурусе» [Норманская, Дыбо 2010: 151] эта реконструкция подана как отличная от реконструкции UEW:

ПУ **kora-* ‘самка глухаря, куропатка’ (UEW: ФУ **kora-la/l'a* (-*oppa-*)) [UEW: 181].²

В тексте комментария действительно говорится:

На основании сравнения фин., саам. и мар. следует реконструировать ФВ **koppa-la/l'a*.

Однако дальше авторы «Тезауруса» предлагают привлечь к сравнению коми *köp-*, удм. *ken-* (эти слова не могут восходить к праформе с геминатой) и продолжают ([Норманская, Дыбо 2010: 152]):

Если предположить, что *-l-* в саамских и марийских формах является суффиксом, а финские формы заимствованы из саамского, тогда можно реконструировать праформу ФП **kora*, которая является этимоном мордовского и пермских слов.

Из этой цитаты видно, что авторы «Тезауруса» не видели фонетических препятствий для выведения мордовского и саамского слов из праформы **kora-*.

2.2. Слова Д&Н «на материале корпуса [UEW] есть лишь еще одно аналогичное инлаутное соответствие» показывают, что они просто не поняли сказанного нами в рецензии: в слове ‘лошадь’ предполагается соответствие ФВ **-p-* – ПУг. **-w-*, в слове ‘кислый’ – соответствие ФВ **-pp-* – ПУг. **-w-*; это разные соответствия; они оба уникальны, следовательно, обе этимологии должны быть отвергнуты.

3.1. В «Тезаурусе» утверждается:

[П]о словарю [Salminen 1998], *-er* в ненецком слове является суффиксом.

Теперь Д&Н пишут:

Как видно из текста цитаты, мы утверждаем, что по данным словаря [Salminen 1998] в ненецком существует суффикс *-er*.

² Ср. следующее утверждение: «Здесь и далее, когда реконструкция в [UEW] отличается от формы, которую предполагается реконструировать в настоящей работе, она приводится в скобках» [Норманская, Дыбо 2010: 51]. – М. Ж.

Авторы, видимо, не вполне осознают разницу между утверждением о наличии суффикса *-er* в обсуждаемом ненецком слове *силер* и утверждением о наличии такого суффикса в ненецком языке вообще. Нам представляется очевидным, что эти утверждения не равнозначны и что первое из второго не следует. Возможность того, что в диахроническом плане слово *силер* содержит суффикс, не отменяет того факта, что Т. Салминен никакого суффикса в этом слове не выделял.

Говоря об этимологии ненецкого *силер*, нельзя не отметить, что авторы «Тезауруса» не обратили внимание на нерегулярность фонетических соответствий между ненецким и энечким словами. Ненецкому *śi-* в энечком должно соответствовать *śi-* (из ПС **si-* или **ki-*), энечкому *si-* в ненецком должно соответствовать *si-* (из ПС **si-*) или *se-* (из ПС **se-*) [Mikola 1988: 232], [Jahnunen 1998: 467]. Семантика энечкого *śilare* ‘белый с черными крапинками (масть оленя); подросший птенец серой чайки; сероватый; белый с синеватым оттенком; пестрой (белой с черными волосками) масти; светло-серо-(темно-белого)голубоватый’ может быть объяснена, только если мы предположим, что это слово первоначально было цветообозначением, а не орнитонимом. Энечкое слово, по всей видимости, является производным от *si?* ‘белый’ (< ПС **ser* ‘белый’ [SW: 138]). В таком случае ненецкое слово должно быть заимствованием из энечкого, что оправдывает отсутствие морфологического членения на собственно ненецкой почве в словаре Салминена.

3.2. Как видно из ответа Д&Н, о «неправильной интерпретации» нами слов «Тезауруса» в данном случае не может быть и речи. Нашим намерением здесь было не оспорить конкретную этимологию или реконструкцию, а показать, что фразами на подобие «как известно» авторы прикрывают непроработанность стандартной литературы по данному вопросу.

4.1. Слова Д&Н

Казарка не встречается на территориях распространения тех языков, где представлены рефлексы слова, значит, можно предполагать, что казарки встречались на прародине, и как реликты рефлексы этого слова сохранились в нескольких языках. На картах показаны три различных ареала обитания казарок, и прародина должна была включать один из этих трех ареалов

содержат логическую ошибку. Если слово со значением ‘казарка’ может иметься в современном языке, на территории которого казарка не обитает

(речь не идет о книжных заимствованиях), то как можно локализовать прародину на основании наличия слова ‘казарка’ в праязыке?

4.2. Достаточно много места Д&Н уделяют дискуссии о происхождении эрзянского слова *réšt’or* ‘кошель’. Наши замечания по этому слову в рецензии сводились к двум пунктам: 1) неточному цитированию значения и 2) умолчанию авторов «Тезауруса» об альтернативной этимологии, упомянутой в словаре Паасонена [MW: 1628]. По обоим пунктам Д&Н вразумить нечего. Видимо, поэтому они уделяют столько внимания спору с этимологией Паасонена (о правильности или ошибочности которой в нашей рецензии не было сказано ни слова). Не претендуя на окончательное решение этой сложной этимологической проблемы, мы все же высажем в тезисной форме свои взгляды на этимологию слова *réšt’or* ‘кошель’, чтобы читатели могли сравнить их со взглядами Д&Н и сделать свои выводы.

Прежде всего следует отметить, что вслед за А. Е. Аникиным [Аникин 2000: 446] Д&Н ошибаются, считая, что горномарийским соответствием лугового марийского *пóштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 453] является горномарийское *néшыр* ‘пестер, пестерь, берестяное лукошко’ [МРС 1956: 426]. И по фонетике, и по семантике к луговому слову ближе горномарийское *пúштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 476].

Мы согласны с утверждением А. Е. Аникина [Аникин 2000: 446] о том, что диалектные русские формы *пéстер*, *пестéр*, *пéстерь*, *пехтéрь* (к ним следует добавить также не упомянутые у Аникина *пéщер*, *пéщерь* [СРНГ 27: 16]) не могут быть исконными и представляют собой заимствования. В то же время сами эти формы неоднократно заимствовались из русского в различные финно-угорские и тюркские языки. Как же различить формы, заимствованные из русских диалектов и формы, сами послужившие источником русского слова? Для этого нужно найти формы, отличающиеся от всех остальных какими-либо фонетическими и/или семантическими особенностями, затрудняющими их выведение из русского.

Большинство форм различных языков, рассматриваемых обычно в связи с русским *пестерь*, имеют в первом слоге передний неогубленный гласный *e* (сюда же относится татарская форма, в которой гласный *i* восходит к более раннему *e* в соответствии с правилами исторической фонетики татарского): тат. (ичкинский говор, Курганская область) *пистер* ‘корзинка’ [ДСТЯ: 340]; чув. *пештéр*, *пешшéр*

‘пещер, сумка’ [СЧЯ IX: 176]; луг. мар. *пестéр* ‘пестер, пестерь, берестяное лукошко’ [МРС 1956: 423]; горн. мар. *néшыр* ‘пестер, пестерь, берестяное лукошко’ [МРС 1956: 426]; эрз. (Večk SŠant) *réšt’or* ‘кошель / Korb’ [MW: 1628]; эрз. *пещор* ‘кошель’ [ЭРС: 476]. Заимствованный характер эрзянских форм подчеркивается нетипичной для неэкспрессивных исконных слов фонотактикой: *o* в непервом слоге после мягкого согласного [Бубрих 1953: 34].

На фоне приведенных форм резко выделяются луг. мар. *пóштыр* ‘котомка; ноша’ [МРС 1956: 453] и горн. мар. *пúштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 476]. Огубленный вокализм первого слога мешает считать эти слова заимствованиями из русского³, в пользу достаточно долгого существования их в марийском говорит и наличие производных: луг. мар. *пóштыртáши* ‘надевать, надеть, навьючивать, навьючить (котомку)’, *пóштыртýмáши* ‘надевание, навьючивание (котомки)’ [МРС 1956: 453]; горн. мар. *пуштыртáши* ‘надевать, навьючивать (котомку)’ [МРС 1956: 476]. На наш взгляд, источником русского слова могла послужить луговая марийская форма *пóштыр*. Адаптация *ö* как *e* при заимствовании в русский представляется вполне вероятной. Дальнейшая этимология марийских слов пока остается неясной. Соответствие луг. мар. *ö* — горн. мар. *у* нерегулярно; ясно одно — рассматриваемые марийские слова не имеют никакого отношения к мар. *пíстме* ‘липа’.

4.3. В рецензии мы писали о нежелании автора различать уровни реконструкции. Очевидно, что такое различие должно быть эксплицитным: автор, различающий несколько уровней реконструкции, всегда должен указывать, о каком уровне идет речь в данный момент. Этого в работе [Норманская 2009] нет. Читатель вынужден сам догадываться о том, что имел в виду автор, а это не облегчает понимание и без того недостаточно эксплицитного текста.

4.4. Прежде всего непонятно, каким образом наличие «более 30» работ Ю. В. Норманской по истории уральского вокализма отменяет тот факт, что в конкретной обсуждаемой работе — статье [Норманская 2009] автор не сопоставляет свою реконструкцию с предложенными ранее вариантами прaperмской реконструкции, в частности, рекон-

³ Гипотеза Д&Н о заимствовании луг. мар. *пóштыр* из эрзянского (!) также не объясняет вокализм марийского слова; кроме того, в марийском до сих пор не было обнаружено ни одного заимствования из мордовских языков.

структурциями В. И. Лыткина и П. Сяммаллахти и не анализирует рассмотренные у этих авторов соответства, в том числе соответствия между прауральским и прапермским, уточнению которых, по утверждению Ю. В. Норманской, посвящена ее работа. Отметим еще один, на наш взгляд, ключевой момент. Д&Н пишут о четком понимании ими необходимости поэтапной реконструкции. Поэтапная, или ступенчатая реконструкция строится следующим образом:

Необходимо сначала реконструировать праязыки самого близкого уровня, затем сравнить их между собой и реконструировать более древние праязыки и т.д., пока в конце концов не будет реконструирован праязык всей рассматриваемой семьи ([Бурлак, Старостин 2005: 186]).

Однако Д&Н утверждают:

Мы нигде не ставили задачи полной реконструкции пра-пермского, прафинно-волжского, прасамодийского вокализма. Эти задачи еще предстоит решать. Нашей целью было проследить рефлексацию установленных предшествующими исследователями праязыковых гласных (ПУ/ФУ) в дочерних праязыках и в современных языках...

Согласно методике ступенчатой реконструкции, прафинно-угорский и прауральский вокализм может быть восстановлен только в результате сравнения реконструированного вокализма дочерних праязыков. Если дочерние реконструкции фрагментарны, о реконструкции уральского / финно-угорского вокализма не может быть и речи. Фактически прауральские и прафинно-угорские гласные Ю. В. Норманская берет либо из словаря UEW (где реконструкция вокализма не основана на эксплицитно сформулированных соответствиях и зачастую оперирует не столько фонетическими законами, сколько необязательными «тенденциями»), либо непосредственно из финского языка. Особенно показателен в этом отношении приведенный в работе [Норманская 2008: 226] алгоритм реконструкции прафинно-волжского вокализма первого слога. Первый пункт этого алгоритма гласит:

Если ПУ / ФУ / ФП / ФВ слово имеет рефлекс в ПФ языках, то гласный первого слова в этих языках проецируется на ФВ уровень.

Перед нами типичное использование давно дискредитированного себя метода «ключевого языка» или даже, скорее, злоупотребление им. Отметим, что применение этого метода совершенно нехарактерно для представителей Московской школы компаративистики, к которой причисляет себя Ю. В. Норманская. Нельзя также не обратить внимания на то, что в «Тезаурусе», где воспроизведена критикуемая нами таблица соответствий, она вводится без каких-либо указаний на ее фрагментар-

ность. Авторы «Тезауруса» просто пишут, что в работе [Норманская 2009] «предложена новая реконструкция прапермского вокализма на основании данных внутреннего и внешнего сравнения», и продолжают: «Здесь и далее при анализе пра-пермских форм используется эта реконструкция прапермского вокализма» [Норманская, Дыбо 2010: 48–49]. Читатель, не потрудившийся ознакомиться с работой [Норманская 2009] (библиографическая ссылка на которую в «Тезаурусе» дана с ошибками), может даже не заподозрить, что предлагаемая прапермская реконструкция недействительна для целого ряда позиций, условно названных Ю. В. Норманской «палатализующими». Более того, сами авторы «Тезауруса» игнорируют это ограничение, применяя свою прапермскую реконструкцию для анализа слов, где по определению [Норманская 2009] гласные находятся в «палатализующей» позиции. Так, например, реконструкцию **káćz* ‘мерзнуть, охлаждаться’ [UEW: 648] авторы «Тезауруса» исправляют на **kuiće* [Норманская, Дыбо 2010: 51–52], ссылаясь прежде всего на рефлекс гласного в пермском, несмотря на то, что, согласно [Норманская 2009], в данном слове гласный стоит в «палатализующей» позиции. Праформа **pośz* ‘жара’ [UEW: 738] заменяется на **rūše* [Норманская, Дыбо 2010: 78–79] также со ссылкой на рефлексы в пермском. Аналогично реконструкция **kućz* ‘береза’ [UEW: 211] исправляется на **kaćV* [Норманская, Дыбо 2010: 105] опять же с учетом пермских рефлексов.

Но и сама статья [Норманская 2009] немногим более эксплицитна. Критерии отбора рассматриваемых этимологий в этой работе не приводятся. Только в сноске 10 на странице 265 про конкретные этимологии сказано, что они «не включены в этот раздел, поскольку в них [sic! — М. Ж.] нет рефлекса в финском языке». Как пишут Д&Н, «критерий отбора материала был подробно разобран в [Норманская 2008]» — работе, в которой о пермских языках нет ни слова. Итак, для того, чтобы правильно понять намерения Ю. В. Норманской, читатель, видимо, должен ознакомиться со всеми ее предшествующими работами и реконструировать ход ее мыслей.

Ю. В. Норманская утверждает, что приведенные нами примеры не удовлетворяют использованному ею критерию отбора материала. Это не всегда так (см. ниже). Но даже там, где это верно, остается неясным статус представленных в этих примерах соответствий. Если верно, что в работе [Норманская 2009] действительно были определены пермские рефлексы всех кратких праязыковых гласных

в «непалатализующей позиции», то соответственно, не упомянутые в этой статье, могут быть представлены либо в словах, не имеющих финно-пермской этимологии, либо в словах с долгим гласным в прафинно-пермском. Однако даже Ю. В. Норманская не предлагает восстанавливать долгий гласный для таких слов, как «хвост», «зима», «имя» или «глаз» (последние три слова имеют краткий гласный в прибалтийско-финском).

Утверждение Норманской, что «*nime имеет нестандартные рефлексы вокализма в ФВ языках» может вызвать только глубокое недоумение. О каких «нестандартных рефлексах вокализма» может идти речь? С традиционной точки зрения, рефлексы гласного в этом слове абсолютно регулярны: ПУ *i в прибалтийско-финском сохраняется как i, в прасаамском дает *ę [Korhonen 1988b: 268–270] (это регулярный рефлекс и согласно концепции Норманской [Норманская 2008: 187]), в мордовских языках рефлексы тоже регулярны — мокш. e, эрз. e (но ä в диалектах эрзянского, различающих e и ä) [Bereczki 1988: 320], в марийском налицо один из возможных регулярных рефлексов — ПМар. *й [Collinder 1960: 179]. Отметим, что в работе [Норманская 2008] не рассматриваются мордовские и марийские рефлексы праязыковых гласных в e-основах, так что и с точки зрения концепции Норманской невозможно говорить о нерегулярности рефлексов гласных в слове *nime ‘имя’. Предложение восстанавливать инлаутный палatalный согласный в слове «глаз» (традиционно восстанавливаемом как *šilmä) явно сделано ad hoc и не подтверждено полным анализом фонетических соответствий. Неизвестно также, как это предложение, да и вся концепция «палатализующей» позиции соотносится с высказанной Д&Н в ответе на нашу рецензию гипотезой, что «твёрдые vs. мягкие сонорные согласные возникали в пермских и обско-угорских языках независимо». Получается, что отсутствие единой эксплицитной системы фонетических соответствий позволяет Д&Н то оперировать праязыковыми мягкими сонорными (когда реконструкция этих фонем позволяет отвести неудобные примеры), то игнорировать противопоставление по твёрдости-мягкости (когда это нужно для оправдания новых этимологий).

5.1. Не вдаваясь в дискуссию о рефлексации праселькупских гласных в селькупских диалектах, отметим только следующие моменты.

- 1) Как признают Д&Н, рефлексы праселькупских слов *senjka ‘Auerhahn (beide Geschlechter)’ и *säŋkočči ‘Stockente’ в кетских диалектах

имеют разные гласные: KUS, KM ę в первом случае и KUS, KM ä — во втором.

- 2) Д&Н утверждают, что гипотезе о различии рефлексов ПСельк. *ę и *ä в кетских говорах противоречит следующий пример: ПСельк. *s'äŋčka ‘мизинец’⁴ [Alatalo 2004: 374] > KeM sēŋgäi. Это возражение основано на неточном цитировании [Alatalo 2004]: на самом деле на указанной странице приведена форма KeM sēŋgäi, имеющая ожидаемый рефлекс — открытый долгий гласный переднего ряда⁵.
- 3) Приведенный Д&Н пример не подтверждает возможности непосредственного перехода названия утки в название глухаря или наоборот: слово *lunta, имевшее в прафинно-угорском значение ‘тусь’ или ‘утка’, в прасаамском стало общим обозначением птицы; затем прасаамское *lontē ‘птица’ в колттасаамском приобрело вторичное значение ‘глухарь’. Очевидно, что для селькупских слов предполагать промежуточное значение ‘птица’ не приходится.

5.3. Д&Н предлагают откорректировать поступированную ими в «Тезаурусе» прауральскую реконструкцию *konte ‘медведь’, заменив ее на *konV-. В пермских рефлексах (коми gundır, удм. gondır) они выделяют отыменной суффикс -dir, приводя следующий пример: коми veža ‘священный, святой, освященный’; vežadir ‘святки’, удм. vožodır ‘святки’. На самом деле приведенные формы — не суффиксальные производные, а сложные слова со вторым компонентом dir ‘время’ [КЭСК: 98; УРС: 195–196; ГСУЯ: 123], буквально ‘святое время’ = ‘святки’. Если, как утверждают Д&Н, в удм. gondır ‘медведь’ содержится тот же «суффикс», то это слово, видимо, должно буквально означать ‘время шерсти’ (ср. удм. gon ‘шерсть’). Это лишь один из многих случаев, когда авторы «Тезауруса» называют какой-либо суффикс просто «отыменным» или «отглагольным», не считая себя обязанными точно определить его семантику, а иногда и выяснить, суффикс ли это вообще или вторая часть сложного слова.

⁴ Д&Н почему-то переводят ‘kleiner Finger’ как ‘маленький палец’.

⁵ В рецензии мы уже указывали, что авторы «Тезауруса» непоследовательно различают стандартные для финно-угорской транскрипции диакритики, обозначающие открытость гласного (ę и ő = открытые e и o) и более заднюю артикуляцию гласного (ę и į = гласные среднего или заднего ряда). К сожалению, наша критика не была услышана.

Но есть и другая причина, по которой обсуждаемая этимология должна быть отвергнута. Дело в том, что, как было убедительно показано Анте Айкио [Aikio 2009: 93–95], фин. *kontio* ‘медведь’ представляет собой заимствование из саамского (ПСаам. **kiuotče* ‘медведь’). Умолчание авторов «Тезауруса» об этой этимологии тем более странно, что работа [Aikio 2009] присутствует в библиографии к «Тезаурусу». Не упомянуты в «Тезаурусе» и работы В. В. Напольских [Напольских 1997], [Напольских 2008], в которых предложена новая этимология пермских слов. Этот небольшой пример может создать впечатление, что авторы «Тезауруса» относятся к уралитике как к совершенно неисследованной области, не считая нужным ни оспаривать мнения своих предшественников, ни ссыльаться на их работы.

5.4. По меньшей мере удивление вызывает следующее утверждение Д&Н:

...в данном случае речь идет как раз об особой рефлексации, которая была подробно описана еще Б. Коллиндером [Collinder 1960], когда в нескольких уральских языках друг другу соответствуют инлаутные звонкие согласные. Возможно, что для таких случаев в прауральскую фонологическую систему следует ввести звонкие фонемы. Этот вопрос также более пятидесяти лет назад был поднят Б. Коллиндером.

Ничего подобного в книге [Collinder 1960] нет. В ней на с. 45 обсуждается вопрос о соответствиях между пермскими и венгерскими **анлаутными** звонкими согласными. Более того, там же Коллиндер подчеркивает, что пермские и венгерские **инлаутные** звонкие восходят к прауральским сочетаниям носового с глухим смычным. Характерно, что наши оппоненты не приводят точную ссылку на страницу, где Коллиндер обсуждает эту проблему.

* * *

Д&Н признают наши замечания справедливыми и меняющими этимологию рассматриваемых слов лишь в пяти случаях. Таким образом, наши оппоненты умалчивают о следующих случаях, в которых замечания, приведенные нами в рецензии, должны привести к пересмотру предложенной ими этимологии:

- 1) мар. М *kolšyre* ‘чайка’ представляет собой композит из *kol* ‘рыба’ и *šyre* ‘чайка’ и поэтому не может восходить к ПУ **ka/oÍV* ‘чайка’;
- 2) саам. N *vuow'dai* значит ‘прожорливый, жадный’ и является синхронным производным от саам. N *vuow'dâ* ‘полость живота’

(ПСаам. **võmtq*), это слово, как и его когнат в инари-саамском, не может восходить к ФВ **olkto* ‘медведь’;

- 3) мар. М *juálye* ‘прохлада’ — суффиксальное производное от *ju* ‘*kühl*’ и не может возвращаться к ФУ **jalV-* ‘прохлада, прохладный ветер’;
- 4) саам. I *ergi*, N *hær'ge* ‘кастрированный олень’ заимствовано из фин. *härkä* ‘бык, вол’ и не должно сравниваться с коми *jera* ‘лось’ и возвращаться к ФП **erkV* ‘лось, олень’;
- 5) саам. N *sar'je* значит ‘рана’ и является заимствованием из праскандинавского **saira* ‘рана’, это слово, как и родственное ему инари-саамское *särji* ‘раненый медведь’, не может восходить к ФУ **sarV* / **sorV* ‘медведь’.

К числу своих «технических неточностей» Д&Н относят то, что в саамских примерах (типа указанных нами в рецензии N *gálbte* вместо *gâlbte*, L *kaíma* вместо *kal'ma*, N *haer'gi* вместо *hær'ge*)

знак палatalизации поставлен другим способом, чем обычно.

Тем самым Д&Н выдают свое незнакомство с фонологией и орографией саамских языков: как указывает М. Корхонен, «¹ between two consonants indicates the longest quantitative degree of a geminate or consonant cluster» [Korhonen 1988a: 44]. Палatalность же предшествующего согласного обозначается в северносаамской орографии с помощью буквы *j*. Непонятно, как с таким уровнем представлений о синхронной фонологии уральских языков можно обсуждать вопрос о первичности или вторичности палatalных сонорных в пракуральском.

В заключение своего ответа Д&Н предлагают алгоритм, которому нужно следовать при рецензировании этимологического словаря. Несмотря на предлагаемые разумные в целом критерии оценки этимологических работ, буквальное выполнение пожеланий Д&Н практически невозможно, если речь не идет о работах небольшого объема, так как от рецензента требуется проделать работу, фактически превышающую по объему работу авторов словаря.

Нам представляется, что прежде чем применять этот или любой подобный алгоритм оценки этимологических работ, следует установить, с каким именно типом этимологической работы мы имеем дело. На наш взгляд, этимологические работы можно разделить на три основных типа.

Первый — это работы, выполненные в жанре «массового сравнения» (mass comparison). В этих

работах не применяется принцип регулярных фонетических соответствий. Вместо этого слова сравниваются на основе их «похожести», критерии которой могут быть (или не быть) формализованными. Примером подобной работы является [Greenberg 1987]. Несмотря на то, что в некоторых случаях, если речь идет о слабоисследованных языках, подобные работы могут быть полезными, они фактически стоят вне рамок компаративистики.

В работах второго типа используются знания о фонетических соответствиях между языками, но не ставится цели полной выводимости форм дочерних языков из предложенных пражзыковых реконструкций. Соответственно в таких работах не приводятся полные и эксплицитные системы соответствий между реконструкцией и дочерними языками. Не всегда в таких работах даются и реконструированные формы. Примером работы второго типа может служить [UEW].

Наконец, работы третьего типа основаны на полной и эксплицитной системе соответствий⁶ между реконструкцией и дочерними языками. Эта система соответствий может быть изложена или в самом этимологическом словаре, или в других публикациях, на которые ссылаются авторы работы. Важно, чтобы читатель мог однозначно установить, какой системы соответствий придерживаются авторы, и чтобы эта система соответствий была достаточно полной. Еще один признак работ третьего типа — последовательное проведение принципа ступенчатой реконструкции. Примером такой работы может быть [NCED]. Только работы третьего типа могут оцениваться по формальным критериям строгого соблюдения фонетических соответствий в предложенном материале и однозначности постулированных фонетических переходов⁷.

⁶ Такая система соответствий, однако, может охватывать не все языки исследуемой семьи: в некоторых случаях это практически неосуществимо из-за большого количества и/или недостаточной описанности языков (напр., в случае австронезийской семьи или семьи банту).

⁷ Д&Н считают, что для словарей, авторы которых не приводят систем соответствий, «работу по установлению систем соответствий должен проделать рецензент». Абсурдность этого требования очевидна: оно было бы выполнимо только при условии стопроцентной заведомой правильности всех приведенных в рецензируемом словаре этимологий. В противном случае для установления системы соответствий потребуется пересмотр самого корпуса этимологий, и вместо рецензии «рецензент» должен будет создать свой этимологический словарь. Подобные требования могут выдвигаться только с целью поставить такой тип этимологических словарей вне какой бы то ни было критики.

Ни по каким параметрам «Тезаурус» не может быть отнесен к работам третьего типа. Несмотря на заявления авторов (в том числе и в ответе на нашу рецензию), в этой работе они не придерживаются определенной системы соответствий; такая система отсутствует в преамбуле к «Тезаурусу» (в отличие, например, от [NCED] или [ОСНЯ]); более того, сами авторы (по крайней мере один из них — Ю. В. Норманская) утверждают, что задача построения такой системы «на данном этапе» ими и не ставится: в «более 30» работах Ю. В. Норманской реконструируются только отдельные фрагменты пражуральской фонологической системы (элементы акцентологии и частично вокализм). В то же время, как показано нами и в первоначальной рецензии на «Тезаурус», и в настоящей статье (см. выше) фонетические соответствия, выработанные другими уралистами, по поводу которых существует определенный консенсус, применяются в «Тезаурусе» бессистемно; из фонетических законов делаются необоснованные исключения, подтвержденные одним или двумя примерами. При этом авторы заявляют, что «таких примеров можно набрать много», заставляя, таким образом, читателя проверять приведенные ими контрпримеры и вновь «изобретать велосипед», доказывая уже неоднократно доказанные и утверждавшиеся в науке положения. Понять, какого мнения придерживаются авторы по другим, более спорным вопросам, из «Тезауруса» зачастую невозможно.

Следует признать, что «Тезаурус» относится к работам второго типа, где принятая авторами полная и четкая система соответствий (пусть даже и спорная) фактически отсутствует. Этимологии, предложенные в подобных работах, в отличие от этимологий в работах третьего типа, не могут по умолчанию рассматриваться как правильные. Их правильность должна доказываться в рамках конкретных концепций исторической фонетики. Отсюда следует, что само по себе количество приведенных в такой работе этимологий мало о чем говорит — все зависит от того, насколько точно и аккуратно приведены и проанализированы языковые данные, насколько последовательно соблюдаются те отдельные фонетические соответствия, которые авторы все же учитывают, насколько полно приведены все релевантные данные по каждой этимологии.

Сравнительно-историческое изучение каждой языковой семьи проходит несколько этапов: на этапе предварительного исследования этимологические работы по данной семье относятся к первому типу, затем появляются этимологические сло-

вари второго типа и наконец, с появлением достаточно подробных и полных работ по исторической фонетике, наступает время работ третьего типа. В уралистике переход от работ второго типа к работам третьего произошел в 1980-х годах, с выходом последней значимой этимологической работы второго типа — [UEW] — и появлением первых работ третьего типа — [Janhunen 1981] и [Sammallahti 1988]. Хорошо известные недостатки этих работ — немногочисленность проанализированных этимологий, спорность отдельных решений — не отменяют их главного достоинства: полноты и эксплицитности системы фонетических соответствий. Публикацию «Тезауруса», относящегося к работам второго типа, можно рассматривать только как попытку отбросить развитие уралистики назад, в безвозвратно ушедшую эпоху.

Тем не менее, мы согласны с тем, что для того, чтобы максимально объективно оценить место «Тезауруса» среди других работ второго типа, необходимо провести сплошной анализ если и не всех имеющихся в книге этимологий (что невозможно в рамках настоящего ответа), то по крайней мере существенной их части. Мы рассмотрим этимологии из главы III «Тезауруса»: «Названия фауны в уральских языках». При этом мы ограничимся уральскими / финно-угорскими / финно-permскими / финно-волжскими этимологиями, которые были предложены в «Тезаурусе» впервые (имеются в виду именно полностью новые этимологии, а не дополнения и поправки к уже существующим в литературе). Всего в этой главе имеются 24 такие этимологии.

- 1) ФВ **werV* ‘баран, ягненок’ (саамский — мордовский — марийский) [Норманская, Дыбо 2010: 117].
→ ПСаам. **vērccē* [Lehtiranta 1989: 150—151] должно быть выведено из сравнения, т. к. 1) в саамском нет суффикса *-ccē*; 2) полнозначные корни в саамском не могут иметь вид CVC перед суффиксом с консонантным анлаутом. Мар. *vri* ‘овца’, приводимое со ссылкой на неопубликованную работу [Кузнецова 1991: 146] (ср. также [Кузнецова 1993: 183]) идентично междометию для подзываания овец, отмеченному в восточномарийских диалектах: *бри-бри*, *брин-брин*, *ври-ври*, *вырий-вырий* [Гордеев 1979: 232]. Это междометие заимствовано из русского⁸ *быр-быр*, *бырь-бырь*
- 2) ПУ **pitV* / **petV* / **pitV* ‘лось’ (хантыйский — маторский) [Норманская, Дыбо 2010: 128—129].
→ Сравнение крайне ненадежно из-за того, что хантыйская форма представлена только в одном говоре.
- 3) ФП **erkV* ‘лось, олень’ (саамские — коми) [Норманская, Дыбо 2010: 129].
→ Ошибочная этимология (саамское слово заимствовано из финского, см. выше).
- 4) ПУ **konte* ‘медведь’ (финский — пермские — камасинский) [Норманская, Дыбо 2010: 130—131].
→ Ошибочная этимология, см. выше.
- 5) ФУ **sarV* / **sorV* ‘медведь’ (саамские — мансицкий) [Норманская, Дыбо 2010: 131].
→ Ошибочная этимология, см. выше.
- 6) ПУ **pacV* ‘бобр’ (мордовские — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 138—139].
- 7) ФУ **wVntVr* ‘выдра’ (марицкий — удмуртский — обско-угорские) [Норманская, Дыбо 2010: 141—142].
→ В «Тезаурусе» утверждается, что чувашское *ъwđw̥r* ‘выдра’ ‘не может считаться источником удмуртской и марийских форм, поскольку в этом случае не ясно объяснение анлаутного *v-* в удмуртском и изменение значения в марийском». Однако анлаутный *v-* в удмуртском *vudor* ‘выдра’ достаточно легко объяснить аналогией со словом *vi* ‘вода’, о чем упоминают и сами авторы «Тезауруса». Марийское слово значит ‘крот’, но это не опровергает гипотезу о его заимствовании из чувашского, т. к. согласно словарю Ашмарина [СЧЯ IV: 78—79], чувашское слово в части диалектов также имеет значение ‘крот’. Если признавать удмуртское и марийское слова чувашизмами, сравнение с обско-угорским должно быть отклонено.
- 8) ПУ **pVnsV* ‘белка-летяга’ (удмуртский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 145].

‘слово, которым подзывают овец’ [СРНГ 3: 347], представленного в курских, воронежских, нижнедонских, орловских и калужских говорах. Этимология должна быть признана ошибочной.

- 9) ПУ **wVntVr* ‘выдра’ (марицкий — удмуртский — обско-угорские) [Норманская, Дыбо 2010: 141—142].
→ В «Тезаурусе» утверждается, что чувашское *ъwđw̥r* ‘выдра’ ‘не может считаться источником удмуртской и марийских форм, поскольку в этом случае не ясно объяснение анлаутного *v-* в удмуртском и изменение значения в марийском». Однако анлаутный *v-* в удмуртском *vudor* ‘выдра’ достаточно легко объяснить аналогией со словом *vi* ‘вода’, о чем упоминают и сами авторы «Тезауруса». Марийское слово значит ‘крот’, но это не опровергает гипотезу о его заимствовании из чувашского, т. к. согласно словарю Ашмарина [СЧЯ IV: 78—79], чувашское слово в части диалектов также имеет значение ‘крот’. Если признавать удмуртское и марийское слова чувашизмами, сравнение с обско-угорским должно быть отклонено.
- 10) ПУ **pVnsV* ‘белка-летяга’ (удмуртский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 145].

⁸ Предположение о заимствовании из русского выдвинуто в [Гордеев 1979: 232]. В целом к этимологиям, предложен-

ным в этой работе, следует относиться с осторожностью, но данное этимологическое решение представляется нам бесспорным.

- Ошибочная этимология, уже дезавуированная авторами «Тезауруса» в их ответе выше.
- 9) ПУ **kuklV* ‘мышь, крот, крыса’ (марийский — хантыйский — ненецкий — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 146—147].
- Праселькупская форма восстанавливается как **čanjlälä* [Alatalo 2004: 312], что делает сомнительным сравнение с ненецким (где нет следов носового) и опровергает сравнение с марийским, в котором прайзыковой кластер **-ŋl-* сохраняется (ср. [UEW: 645]). Сравнение с хантыйским трудно оценить из-за того, что хантыйское слово представляет собой гапакс, зафиксированный лишь в одном источнике XVIII века [DEWOS: 476].
- 10) ФУ **lēra* ‘летучая мышь’ (финский — хантыйский) [Норманская, Дыбо 2010: 148].
- Сравнение крайне ненадежно из-за того, что хантыйская форма представлена только в одном говоре.
- 11) ФУ **sara* ‘курица, лысуха’ (мордовские — венгерский) [Норманская, Дыбо 2010: 154—155].
- Авторы «Тезауруса» отвергают традиционную этимологию венг. *szárcsa* ‘лысуха (черная или темная птица с белой кожистой бляхой на лбу); черная лошадь с белым лбом’ как производного от *szár* ‘rotbraun, rötlichgelb’, утверждая, что сравнение с эрз. *saras*, мокш. *saraz* ‘курица’ «гораздо предпочтительнее семантически». Однако непонятно, как при такой этимологии объяснить значение ‘черная лошадь с белым лбом’. Кроме того, согласно [EWUng: 1396] слово *szárcsa* зафиксировано также как прилагательное со значением ‘weißlich, kahl (Bein des Pferdes)’. Очевидно, что семантика цветообозначения здесь первична и сравнение с мордовским следует отклонить.
- 12) **sVŋkV* ‘утка’ (обско-угорские — ненецкий — энечий — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 161—162].
- Большая часть селькупского материала должна быть выведена из сравнения, см. выше. Принятию этимологии мешает ненадежность семантики: непосредственный переход между значениями ‘глухарь’ и ‘утка’ не подтверждается типологическими аналогами в других языках.
- 13) ПУ **wälä* ‘сокол, коршун’ (саамские — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 169].
- Авторы «Тезауруса» приводят только инари-саамскую форму *välli* ‘сокол’, не упоминая ее северносаамский когнат *fallle* ‘сокол’. Саамские слова заимствованы из скандинавских языков, ср. др.-исл. *valr* ‘сокол’ [Qvigstad 1893: 144], следовательно, этимология «Тезауруса» ошибочна.
- 14) ПУ **wVrV* ‘ястреб’ (марийский — пермские — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 170—171].
- Мариjsкое слово, по всей видимости, заимствовано из пермских (соответствие гласных первого слога «луг. *a* — горн. *ä*» характерно для заимствований). NB: соответствие «коми *a* — удмуртский *a*», необъяснимое в концепции Норманской.
- 15) ФУ **pVŋkVj* ‘филин’ (пермские — венгерский) [Норманская, Дыбо 2010: 172].
- Сравниваемые слова явно относятся к звукоподражательным. Авторы «Тезауруса» пишут: «Несмотря на явный звукоподражательный характер слова, между приведенными формами из пермских, венгерского и ненецкого языков наблюдаются строгие фонетические соответствия». О «строгости» соответствий красноречиво говорит как то, что авторы не решились восстановить в этом слове какой-либо конкретный гласный, так и то, что венгерская форма имеет в анлауте неизакономерный *b*. Какую же именно ненецкую форму подразумевали авторы, мы затрудняемся предположить.
- 16) ПУ **tiūlē* ‘кулик’ (прибалтийско-финские — удмуртский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 173].
- Сравниваемые слова, вероятно, являются звукоподражательными, ср. их явное сходство с рефлексами предполагаемого ПУ **čVlčV* ‘кулик, зуек’ [ibid.].
- 17) ПУ **ka/oÍV* ‘чайка’ (саамские — марийский — коми — хантыйский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 174—175].
- Фантомная саамская форма должна быть отведена, что уже признано Д&Н в ответе выше. Мариjsкая форма также выводится из сравнения (см. выше). Восточнохантыйские (напр., Trj. *kälgk*) и западнохантыйские (напр., Kaz. *χälgew*) формы, несмотря на разную суффиксацию, явно родственны на прахантыйском уровне. Обращает на себя внимание тот факт, что селькупские формы (напр.,

кет. *кальяк*) близки к восточнохантыйским, а ненецкие (напр., тундр. *хълэв*) — к западнохантыйским. Объяснить это можно, только предположив, что мы имеем дело с хантыйскими заимствованиями, источниками которых были разные хантыйские языки/диалекты. Сравнение самодийских слов как генетически родственных в [SW: 52] следует признать ошибкой. Что касается коми формы, то она не может быть родственна хантыйской из-за палатального *-l̥-*. Нет оснований отказываться от традиционного взгляда на коми слово как на ненецкое заимствование. Этимологию «Тезауруса» в целом следует признать ошибочной.

18) ПУ **čír(p)V* ‘чайка’ (прибалтийско-финские — коми — венгерский — ненецкий) [Норманская, Дыбо 2010: 176—177].
→ Венгерское слово *sírály* ‘чайка’ имеет надежную этимологию, без достаточных оснований отвергнутую в «Тезаурусе»: оно образовано от *sír-* ‘weinen; schreien, kreischen (Vogel)’ [EWUng: 1332] с помощью отглагольного суффикса *-ály*. То, что в «Тезаурусе» этот суффикс назван «отымененным» — явно результат недоразумения. В целом сравниваемые здесь формы, несомненно, являются звукоподражательными.

19) ПУ **čílV* ‘чайка’ (венгерский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 177].
→ Ошибочная этимология, см. выше.

20) ФУ **pVčV* ‘маленькая птица’ (мариийский — коми — хантыйский — венгерский) [Норманская, Дыбо 2010: 180].
→ Сравниваемые слова имеют явно звукоподражательный характер (ср. нерегулярные соответствия согласных между хантыйскими диалектами). Венгерское слово не может быть исконным из-за начального *p-*.

21) ФУ **koj(a)ma* ‘благородный лосось, семга’ (финский — саамские — мансиийский) [Норманская, Дыбо 2010: 181—182].
→ Этимология должна быть отклонена: см. выше п. 1.1 о невозможности исконного происхождения мансиийского слова.

22) ФУ **mVksVn* ‘муксун’ (мариийский — обско-угорские) [Норманская, Дыбо 2010: 184—185].
→ Согласно словарю [Moisio & Saarinen 2008: 385], марийское *moksypčo* ‘налим’ является производным от *moks* ‘печень’ (характерный

признак налима — большая печень [Сабанеев 1993: 146]). Этимология «Тезауруса» должна быть отвергнута.

23) ПУ **lVjV-* ‘язь’ (хантыйский — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 186].
→ Хантыйское слово отмечено только в одном источнике и снабжено в DEWOS пометой «*unsicher*» [DEWOS: 816], что делает этимологию менее надежной. Кроме того, эксплозивная хантыйско-селькупская параллель с большой вероятностью может оказаться контактной.

24) ПУ **kantV* ‘елец, пескарь’ (мариийский — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 186].

Как мы видим, 11 этимологий из 24, то есть почти половина, могут быть отклонены как ошибочные. В части оставшихся случаев вероятность предложенной в «Тезаурусе» этимологии снижается наличием альтернативных версий или звукоподражательным характером слова.

Следует также отметить, что почти все новые этимологии в «Тезаурусе» фактически основаны на двухконсонантных сравнениях (при том, что, как мы уже видели, к реконструкции гласных в «Тезаурусе» есть много вопросов). Как известно, при подобных сравнениях резко повышается вероятность случайного совпадения.

Таким образом, и оставшиеся на данный момент не опровергнутыми этимологии легко могут оказаться ошибочными. Показать их правомерность можно только применив к ним полную и максимально однозначную систему фонетических соответствий, включающую соответствия для гласных. Этого, как мы знаем, авторы «Тезауруса» не сделали.

Процент ошибок в работах основного автора «Тезауруса» легко оценить и другим способом — на примере ответа на нашу рецензию. Текст этот сравнительно невелик; он носит полемический характер, являясь ответом на замечания с нашей стороны по поводу небрежностей, ошибок и упущений, обнаруживаемых в «Тезаурусе». Увы, как может убедиться читатель, процент ошибок и ляпов на страницу в ответе, пожалуй, больше, чем в самом «Тезаурусе». Тем самым авторы ответа лишь подтвердили высказанный мной в рецензии вывод о типичности подобных текстов для Ю. В. Норманской, «автора 6 монографий и более 80 статей»⁹.

⁹ Не беремся подсчитывать число статей, но нам известны только три монографии Ю. В. Норманской, включая рецензируемую, — если только в число «монографий» не включены главы в коллективных монографиях.

Нам кажется, что дискуссию о «Тезаурусе» можно считать завершенной. Позиции сторон ясны и вряд ли изменятся в будущем, а заинтересованный читатель теперь располагает достаточной информа-

цией для того, чтобы составить собственное мнение о том, является ли «Тезаурус» ценным вкладом в уралистику или работой, существенно снижающей стандарты этимологических исследований.

Список сокращений

венг. — венгерский	U — диалекты округа Уржум
Волж — волжские языки (мордовские и марийский)	UJ — говор д. Ядык Беляк
диал. — диалектное	UP — говор д. Петрушин
др.-венг. — древневенгерский	US — говор д. Нижняя Сюкса
кам. — камасинский	USj — говор д. Сабуме
коми	V — ветлужский
в. — вычегодский диалект	морд. — мордовские
вв. — верхневычегодский диалект	Е — эрзянский
вс. — верхнесысольский диалект	E:Atр — говор с. Атрат Алатырского района
вым. — вымский диалект	Республики Чувашии
иж. —ижемский диалект	E:Ba — говор с. Баевка Николаевского района
лёт. — летский диалект	Ульяновской области
нв. — нижневычегодский диалект	E:E:Нl — говор с. Отрадное Чамзинского района Республики Мордовии
п. — коми-пермяцкие диалекты	E:E:Jeg — говор д. Новоегоровка Абдулинского района Оренбургской области
печ. — печорский диалект	E:Kažl — говор с. Кажлодка Торбеевского района Республики Мордовии
с. — сысольский диалект	E:Kał — говор д. Коляево Теньгушевского района Республики Мордовии
скр. — присыктывкарский диалект	E:Mar — говор сел Большое и Малое Маресево Чамзинского района Республики Мордовии
сс. — среднесысольский диалект	E:E:Nbajt — говор с. Новый Байтермиш Исклинского района Самарской области
уд. — удорский диалект	E:Sšant — говор с. Степная Шентала Кошкинского района Самарской области
манс. — мансийский	E:Večk — говор сел Старое и Новое Вечканово Исклинского района Самарской области
К — кондинские диалекты	E:VVr — говор с. Великий Враг Шатковского района Нижегородской области
KU — нижнекондинский диалект	М — мокшанский
LM — среднелозьвинский диалект	M:MdM:Jurtk — говор с. Подлесно-Мордовский Юрткуль Старо-Майнского района Ульяновской области
LO — верхнелозьвинский диалект	M:P — говор Пензенской области, (без западных районов) Республики Мордовии
LU — нижнелозьвинский диалект	M:Prol — говор населенного пункта в Кошкинском районе Самарской области
N — северномансийский диалект	M:Sel — говор с. Покровские Селищи Зубово-Полянского района Республики Мордовии
P — пельмский диалект	M:Ur — говор с. Урюм Тетюшского района Республики Татарстан
So — соьвинский диалект	
T — тавдинские диалекты	
TJ — говор д. Янычкова	
мар. — марийский	
B — горномарийский	
C — диалекты округа Царёвококшайск (совр. Йошкар-Ола)	
Ch — говор д. Большие Маламасы	
CK — говор д. Кушнур	
CÜ — говор д. Юшуттур	
E — восточномарийские диалекты	
J — яранский	
JO — говор д. Отюгово	
JT — говор д. Туршомучкаш	
K — диалекты округа Козьмодемьянск	
M — луговой малмыжский	
MК — малмыжский говор д. Карманкино	
P — говор д. Сарси	

ненец. — ненецкий	об.ч. — обские говоры Чумылькуп
Т — тундровый диалект	таз. — тазовский
ПМанс — прамансиЙский	удм. — удмуртский
ПП — прапермский	Г — глазовский диалект
ПС — прасамодийский	Ј — елабужский диалект
ПСаам — прасаамский	К — казанский диалект
ПСельк — праселькупский	М — малмыжский диалект
ПУ — прауральский	МУ — малмыжско-уржумский диалект
ПУг — праугорский	Уф — уфимский диалект
ПФ — прибалтийско-финский	ФВ — финно-волжский
ПХант — прахантыйский	фин. — финский
рус. — русский	ФП — финно-пермский
н.-индиг. — нижнеиндигирские говоры	ФУ — финно-угорский
ср.-обск. — средне-обские говоры	хант. — хантыйский
арх. — архангельские говоры	ДН — верхнедемьянский диалект
саам. — саамский	І — иртышский диалект
І — Инари диалект	Ј — юганский диалект
Кld — кильдинский диалект	Каз — казымский диалект
Н — норвежско-саамский	КО — кондинский диалект
Not — Нотозеро диалект	Kr — красноярский диалект
Р — Паатсьоки диалект	Ни — низямский диалект
Т — Тер диалект	О — обдорский
сельк. — селькупский	Р — данные Х. Паасонена без указания на диалект
кет. — кетский диалект	Т — данные собранные Н. И. Терёшкиным после
КУ — нижнекетский говор	1945 года
КМ — среднекетский говор	Трj — тромъеганский диалект
КеM — среднекетский говор в Максимкином	В — ваховский
Яре	энец. — энецкий
об.с. — обские говоры Сюсюкум	эст. — эстонский

Литература

АНИКИН А. Е.: *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. Новосибирск, 1997. [Anikin A. E.: *Etimologicheskii slovar' russkih dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skih, altaiskih i paleoaziatskikh yazykov*. Novosibirsk, 1997.]

АНИКИН А. Е.: *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. 2-е изд., испр. и доп. М., Новосибирск, 2000. [ANIKIN A. E.: *Etimologicheskii slovar' russkih dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skih, altaiskih i paleoaziatskikh yazykov*. 2-e izd., ispr. i dop. M., Novosibirsk, 2000.]

АПРЕСЯН Ю. Д.: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М., 1995. [APRESYAN Yu. D.: *Leksičeskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. M., 1995.]

АФАНАСЬЕВА К. В.: *Русско-мансиЙский тематический словарь*. СПб., 2008. [AFANAS'EVA K. V.: *Russko-mansiiskii tematicheskii slovar'*. SPb., 2008.]

БУБРИХ Д. В.: *Историческая грамматика эрзянского языка* / Под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. Саранск, 1953. [BUBRIH D. V.: *Istoricheskaya grammatika erzjanskogo yazyka* / Pod red. M. N. Kolyadenkova i N. F. Cyganova. Saransk, 1953.]

БУРЛАК, С.А., СТАРОСТИН С.А.: *Сравнительно-историческое языкознание*. М., 2005. [BURLAK, S.A., STAROSTIN S.A.: *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie*. M., 2005.]

ВАСИЛЬЕВ В. М., САВАТКОВА А. А., УЧАЕВ З. В.: *Марийско-русский словарь*. Йошкар-Ола, 1991. [VASIL'EV V. M., SAVATKOVA A. A., UCHAEV Z. V.: *Mariisko-russkii slovar'*. Ioshkar-Ola, 1991.]

ГОРДЕЕВ Ф. И.: *Этимологический словарь марийского языка*. Том 1: А–Б. Йошкар-Ола, 1979. [GORDEEV F. I.: *Etimologicheskii slovar' mariiskogo yazyka*. Tom 1: A–B. Ioshkar-Ola, 1979.]

ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. [Grammatika sovremennoj udmurtskogo jazyka. Fonetika i morfologija. Izhevsk, 1962.]

ДСТЯ — Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969. [Dialektologicheskii slovar' tatarskogo jazyka. Kazan', 1969.]

ДЫБО А. В.: Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М., 2007. [DYBO A. V.: Lingvisticheskie kontakty rannih tyurkov. Leksicheskii fond. M., 2007.]

ДЫБО В. А.: От редактора // В. М. Илич-Свityч. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь: *p — q. Po kartotekam avtora.* М., 1984. С. 3—12. [DYBO V. A.: Ot redaktora // V. M. ILLICH-SVITYCH. Opyt srovneniya nostraticheskikh jazykov. Srovnitel'nyi slovar': *p — q. Po kartotekam avtora.* M., 1984. S. 3—12.]

ДЫБО В. А. Отчет о деятельности ностратического семинара им. В. М. Илич-Свityча // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989, с. 291—298. [DYBO V. A. Otchet o deyatel'nosti nostraticheskogo seminara im. V. M. Illich-Svitycha // Istoricheskaya akcentologiya i srovnitel'no-istoricheskii metod. M., 1989, s. 291—298.]

ЖИВЛОВ М. А.: Реконструкция праобскоугорского вокализма. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. [ZHIVLOV M. A.: Rekonstrukciya praoobskougororskogo vokalizma. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006.]

ЖИВЛОВ М. А.: Рецензия на [Норманская, Дыбо 2010] // Вопросы языкового родства 6 (2011), 217—226. [ZHIVLOV M. A.: Review of [Normanskaya, Dybo 2010] // Journal of Language Relationship 6 (2011), 217—226.]

КУЗНЕЦОВА М.: Происхождение названий животных в марийском языке [KUZNCOVA M.: Proishozhdenie nazvaniii zhivotnyh v mariiskom jazyke] // Linguistica Uralica XXIX (3) (1993), 182—188.

КЭСК — [Лыткин, Гуляев 1970].

ЛЫТКИН В. И., ГУЛЯЕВ Е. С.: Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. [LYTKIN V. I., GULYAEV E. S.: Kratkii etimologicheskii slovar' komi jazyka. M., 1970.]

Мар. словарь — АБРАМОВА А. А., ВЕРШИНИН В. И., ЕФРЕМОВ А. С., ЗАЙНИЕВА Г. И., ИСАНБАЕВ Н. И.: Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1990. [ABRAMOVA A. A., VERSHININ V. I., EFREMOV A. S., ZAINIEVA G. I., ISANBAEV N. I.: Slovar' mariiskogo jazyka. Ioshkar-Ola, 1990.]

МРС 1956 — Марийско-русский словарь. 21 000 слов. С приложением краткого грамматического очерка марийского языка. М., 1956. [Mariisko-russkii slovar'. 21 000 slov. S prilozheniem kratkogo grammaticheskogo ocherka mariyskogo jazyka. M., 1956.]

НАПОЛЬСКИХ В. В.: Происхождение названия ‘медведя’ / ‘дракона’ в уральских языках [NAPOL'SKIH V. V.: Proishozhdenie nazvaniya ‘medvedya’ / ‘drakona’ v ural'skih jazykah] // Linguistica Uralica XXXIII (1) (1997), 27—31.

НАПОЛЬСКИХ В. В.: Кентавр ~ ганхдарва ~ дракон ~ медведь: к эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии [NAPOL'SKIH V. V.: Kentavr ~ ganhdarva ~ drakon ~ medved': k evolyucii odnogo mifologicheskogo obrazu v Severnoi Evrazii] // Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies 5 (1—2) (2008), 43—63.

НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008. [NORMANSKAYA Yu. V.: Rekonstrukciya prafinno-volzhskogo udareniya. M., 2008.]

НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прауральского ударения и гласного второго слога // Вопросы уралистики 2009. СПб., 2009. С. 260—295. [NORMANSKAYA Yu. V.: Novyi vzglyad na istoriyu permskogo vokalizma: opisanie razvitiya vokalizma pervogo sloga v komi i udmurtskom jazykah v zavisimosti ot prapermskogo udareniya i glasnogo vtorogo sloga // Voprosy uralistiki 2009. SPb., 2009. S. 260—295.]

НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Соотношение прауральской и прафинно-волжской акцентных систем // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл. Сборник статей к юбилею В. А. Виноградова. М., 2010. [NORMANSKAYA Yu. V.: Sootnoshenie prapermskoi i prafinno-volzhskoi akcentnyh sistem // V prostranstve jazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl. Sbornik statei k yubileyu V. A. Vinogradova. M., 2010.]

НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Происхождение системы прахантыйского вокализма // Тезисы Международного конгресса по балто-славянской акцентологии. М., 2011а. [NORMANSKAYA Yu. V.: Proishozhdenie sistemy prahantyiskogo vokalizma // Tezisy Mejdunarodnogo kongressa po balto-slavyanskoi akcentologii. M., 2011a.]

НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Разноместное ударение в селькупском языке и прасамодийская реконструкция // Сборник статей ОИФН РАН, 2011б. [NORMANSKAYA Yu. V.: Raznomestnoe udarenie v sel'kupskom jazyke i prasamodiiskaya rekonstrukciya // Sbornik statei OIFN RAN, 2011b.]

НОРМАНСКАЯ Ю. В., ДЫБО А. В.: *Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках*. М., 2010. [NORMANSKAYA Yu. V., DYBO A. V.: *Tezaurus. Leksika prirodnogo okruzheniya v ural'skih yazykah*. M., 2010.]

ОСНЯ — ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М.: *Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвелльский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)*. Т. 1: *Введение. Сравнительный словарь (b — Қ)* / Под ред. и с вступ. статьей В. А. Дыбо. М., 1971; Т. 2: *Сравнительный словарь (l — ӡ)*. М., 1976; Т. 3: *Сравнительный словарь (p — q)*. По картотекам автора / Отв. ред. В. А. Дыбо. М., 1984. [ILLICH-SVITYCH V. M.: *Opyt srovneniya nostraticheskikh yazykov (semitohamitskii, kartvel'skii, indoevropeiskii, ural'skii, dravidiiskii, altaiskii)*. T. 1: *Vvedenie. Sravnitel'nyi slovar' (b — Қ)* / Pod red. i s vstup. stat'eii V. A. Dybo. M., 1971; T. 2: *Sravnitel'nyi slovar' (l — ӡ)*. M., 1976; T. 3: *Sravnitel'nyi slovar' (p — q)*. Po kartotekam avtora / Otv. red. V. A. Dybo. M., 1984.]

САБАНЕЕВ Л. П.: *Собрание сочинений в 8 томах*. Том 1: *Рыбы России. Жизнь и ловля (ужение) наших пресноводных рыб*. Ч. 1. М., 1993. [SABANEEV L. P.: *Sobranie sochinenii v 8 tomah*. Tom 1: *Ryby Rossii. Zhizn' i lovlya (uzhenie) nashih presnovodnyh ryb*. Ch. 1. M., 1993.]

СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А.: Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // *Теоретические основы классификации языков мира*. М., Наука, 1982. С. 6—62. [SEREBRENNIKOV B. A.: Problema dostatochnosti osnovaniya v gipotezah, kasayuschihsya geneticheskogo rodstva yazykov // *Teoreticheskie osnovy klassifikacii yazykov mira*. M., Nauka, 1982. S. 6—62.]

СОКОЛОВ С. В., ТУГАНАЕВ В. В.: *Биологической нимкылъёсын кылбугор* = Словарь биологических терминов. Ижевск, 1994 [SOKOLOV S. V., TUGANAEV V. V.: *Biologicheskoi nimkyl'esyn kylbugor* = *Slovar' biologicheskikh terminov*. Izhevsk, 1994].

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—. М., Л., СПб., 1965—. [*Slovar' russkih narodnyh govorov*. Vyp. 1—. M., L., SPb., 1965—.]

СТАРОСТИН С. А.: Сравнительное языкознание и этимологические базы данных // *Труды Отделения историко-филологических наук*. 2005. М., Наука, 2005. С. 40—49. [STAROSTIN S. A.: *Sravnitel'noe yazykoznanie i etimologicheskie bazy dannyh* // *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk*. 2005. M., Nauka, 2005. S. 40—49.]

СЧЯ — АШМАРИН Н. И.: Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994—2000 (репринт. воспроизв. изд.: Казань, 1928 — Чебоксары, 1950). [ASHMARIN N. I.: *Slovar' chuvashskogo yazyka*. Cheboksary, 1994—2000.]

Тезаурус — [Норманская, Дыбо 2010].

ТЕРЕЩЕНКО Н. М.: *Ненецко-русский словарь*. М., 1965. [TERESCHENKO N. M.: *Nenecko-russkii slovar'*. M., 1965.]

УРС — КИРИЛОВА Л. Е. (отв. редактор): *Удмуртско-русский словарь*. Ижевск, 2008. [KIRILLOVA L. E. (otv. redaktor): *Udmurtsko-russkii slovar'*. Izhevsk, 2008.]

ХАКУЛИНЕН Л.: *Развитие и структура финского языка*. М., 1953. [HAKULINEN L.: *Razvitiye i struktura finskogo yazyka*. M., 1953.]

ШЕРБАК А. М.: О ностратических исследованиях с позиции тюрколога // ВЯ 1984, 6, С. 30—42. [SCHERBAK A. M.: O nostraticheskikh issledovaniyah s pozicii tyurkologa // *VYa* 1984, 6, S. 30—42.]

ЭРС 1993 — СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А., БУЗАКОВА Р. Н., МОСИНА М. В. (ред.): *Эрзянско-русский словарь. Около 27 000 слов*. М., 1993. [SEREBRENNIKOV B. A., BUZAKOVA R. N., MOSINA M. V. (red.): *Erzyansko-russkii slovar'*. Okolo 27 000 slov. M., 1993.]

AIKIO, A.: *The Saami loanwords in Finnish and Karelian*. Academic Dissertation. Oulu, 2009 (<http://cc.oulu.fi/~anai-kio/slw.pdf>).

AIKIO A.: *Suomen kauka* // *Virittäjä* 4 (2000), 612—614.

ALATALO, J. (comp. & ed.): *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. (LSFU XXX). Helsinki, 2004.

BERECZKI G.: Geschichte der wolgafinnischen Sprachen // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988, 314—350.

BERECZKI G.: Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. I—II // *Studia Uralo-Altaica*. 1992—1994. 34—35.

COLLINDER B.: *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm, 1960.

DEWOS — STEINITZ W.: *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Lfg. 1—15. Berlin, 1966—1993.

Donner 1944 — DONNER K.: *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik*. Helsinki, 1944.

DYBO A. V., STAROSTIN G. S.: In Defense of the Comparative Method, or The End of the Vovin Controversy // *Аспекты компаративистики* 3. М., 2008. С. 119—258.

EDAL — STAROSTIN S., DYBO A., & MUDRAK O.: *Etymological dictionary of the Altaic Languages*. Leiden, 2003.

EWUNG — BENKŐ L. (ed.): *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Bd. I—II. Budapest, 1993—1995.

GREENBERG J. H.: *Language in the Americas*. Stanford, California, 1987.

HELIMSKI E. Энецкие словарные материалы на сайте <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007

HELIMSKI E. Kommentaren zu [Alatalo 2004] на сайте <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007a

HELIMSKI E. Marginalia ad [UEW] на сайте <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007b

HONTI L.: *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Budapest, 1982.

JANHUNEN J.: Uralilaisen kantakielen sanastosta // *Journal de la Société Finno-ougrienne* 77 (1981), 219—274.

JANHUNEN J.: Samoyedic // ABONDOLO D. (ed.) *The Uralic Languages*. London, New York, 1998, 457—479.

KORHONEN M.: The Lapp Language // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988a, 41—57.

KORHONEN M.: The History of the Lapp Language // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988b, 264—287.

KT — KARJALAINEN K. F.: *Ostjakisches Wörterbuch* / Bearbeitet u. herausg. v. Y. H. TOIVONEN. Bd. 1—2. (LSFU X). Helsinki, 1948.

LEHTIRANTA J.: *Yhteissaamelainen sanasto*. (SUST 200). Helsinki, 1989.

MIKOLA T.: Geschichte der samojedischen Sprachen // SINOR D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988, 219—263.

MK — [Munkácsi & Kálmán 1986].

MOISIO, A. & SAARINEN, S.: *Tscheremissisches Wörterbuch*. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. (LSFU XXXII). Helsinki, 2008.

MUNKÁCSI, B. & KÁLMÁN B.: *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest, 1986.

MW — [Paasonen 1990—1999].

NCED — NIKOLAYEV S. L., STAROSTIN S. A.: *A North Caucasian Etymological Dictionary* / Edited by S. A. STAROSTIN. Moscow, 1994.

PAASONEN H.: *Mordwinisches Wörterbuch*. Bd. I—VI. (LSFU XXIII) Helsinki, 1990—1999.

POKORNY J.: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.

QVIGSTAD J. K.: *Nordische Lehnwörter im Lappischen*. Christiania, 1893.

SALMINEN T.: *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. (LSFU XXVI). Helsinki, 1998.

SAMMALLAHTI P.: Historical phonology of the Uralic languages // SINOR D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988, 478—554.

SAMMALLAHTI P.: *The Saami languages: An Introduction*. Kárásjohka / Karasjok, 1998.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. *Etymologinen sanakirja*. I—III. Helsinki, 1992—2000.

SW — JANHUNEN J.: Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedischen Etymologien. (Castrenianumin toimitteita 17). Helsinki, 1977.

UEW — RÉDEI K.: *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. I—III. Budapest, 1986—1991.

VOVIN A.: The End of the Altaic Controversy // *Central Asiatic Journal* 49/1, pp. 71—132.

The paper suggests a formal approach to the evaluation of the quality of works on etymology, based on an algorithm of consistent and thorough analysis of all the levels of comparison. As an illustration of the opposite approach, the authors analyze a recent review of the monograph [Normanskaya, Dybo 2010], which, as they conclude, pays too much attention to criticizing the particulars without taking the whole into account.

Keywords: proto-language reconstruction, Uralic language family.